

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабьянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амеразийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

Акцентуация *ins. pl. ā*-склонения в старолитовском

1. Введение

Изучение старолитовского ударения – это изучение «Постиллы» Даукши (1599), лишь слегка дополняемой некоторыми другими текстами. Мы не будем подробно останавливаться на фигуре самого Микалоюса Даукши (между 1527 и 1538 – 1613). В связи с её важностью для темы данной статьи мы упомянем лишь тот факт, что он писал на «центральном» варианте старолитовского языка (окрестности Кедайняй). Среди прочих черт это означает, что дательный падеж множественного числа последовательно выглядит как *-mus* (редуцированная форма *-ms* встречается очень редко), а местный падеж множественного числа – последовательное *-se* (*-sa* встречается очень редко, а *-si* совершенно неизвестно).

Поскольку «Постилла» Даукши является единственным иностранным акцентуированным старолитовским текстом, следовало бы ожидать, что она была тщательно изучена, и в какой-то мере это так и есть. Она была издана трижды (Вольтер 1904, Biržiška 1926, Palionis 2000) и доступна в Интернете (транскрибированный текст на портале *Senieji raštai*, факсимиле на *EPaveldas*). В акцентологическом плане мы располагаем великолепной монографией Скарджюса (Skardžius 1935). Имеется также полезный словарь Кудзинового (Kudzinowski 1977). Наконец, у нас есть конкорданс на портале *Senieji raštai*. Следует подчеркнуть наличие этих источников, поскольку при поиске акцентуации того или иного слова наряду с самим текстом у нас есть три независимых источника. Это становится чрезвычайно важным в случаях, когда текст сложно прочитать в чисто типографском отношении. Для данной статьи особенно важны два момента:

а) лит. *uo* записано как <ũ>, над которым нельзя проставить знаки ударения. В результате *loc. pl. o*-склонения *-uosė* хорошо виден в «Постилле», но варианты *-úose* и *-iðse* неразличимы;

б) знак ударения над <ĩ> плохоразличим, поскольку это всего лишь точка несколько больших размеров. Это напрямую затрагивает простановку ударения в творительном падеже (*ins. sg. -imi, -umi i-* и

и-основ, ins. pl. *-omis, -ėmis, -imis, -umis*). Важно отметить, что знак ударения над <ı> был намного чаще распознан составителями конкурданса на *Senieji raštai*, чем Скарджюсом и Кудзиновским.

Обычно акцентуация у Даукши ожидаемо совпадает с современной литовской. Внимание акцентологов предсказуемо сосредоточилось на расхождениях. Некоторые из них являются очевидными архаизмами (например, наличие слов с неподвижной акцентуацией, ещё не затронутых современным распространением подвижности: nom. pl. *dáiktai* ‘вещи’, *kálnai* ‘горы’, *tėvai* ‘отцы’ у Даукши vs. *daiktaĩ, kalnaĩ, tėvaĩ* в современном литовском), в то время как другие до сих пор не были объяснены (например, первое лицо множественного числа настоящего времени *žinomė, turimė* наряду с *žinome, turime*). Уместно оговориться, что всякий, кто работал с текстом Даукши, знает, что в нём встречается множество неакцентуированных слов, акцентных вариантов, слов с двумя или даже более знаками ударения, а также очевидных ошибок. Но и сгущать краски тоже не стоит, текст Даукши в целом надёжен. При наличии достаточного количества данных картина обычно проясняется. В практическом отношении это означает, что для уверенности в акцентуации той или иной формы нам необходимо набрать сравнительно большое количество примеров. Два или три изолированных примера почти ничего не доказывают.

2. Двусложные окончания косвенных падежей во множественном числе

Помня о вышесказанном, перейдём к главной теме данной статьи: акцентуации косвенных падежей множественного числа, в особенности творительного, в *ā*-клонении. По очевидным причинам, релевантны данные только подвижных парадигм. Как известно, балто-славянские подвижные парадигмы в идеальном виде состояли из чередующихся энклиноменов (фонологически безударных словоформ, ударение с которых переносилось на клитики, а в случае отсутствия клитики получавших инициальное ударение) и конечноударных форм. Эта система хорошо сохранилась в древнейших славянских акцентуированных текстах. Далее мы сосредоточимся только на окситонных формах (среди которых родительный, дательный, творительный и местный падежи множественного числа) и особенно на двусложных окончаниях, состоящих из тематического гласного + окончания. Причина очевидна: в то время как, например, окончание ins. pl. *o*-клонения лит.

lang-aĩs ‘окнами’, п.-сл. **vorn-y'* (< б.-сл. / п.-и.-е. **-d̄is*)¹ состоит только из одного слога и, соответственно, единственного места, на котором может стоять ударение, а в случае двусложного окончания *dat. pl.* ст.-лит. *-a-mus*, п.-сл. **-o-ť* (< б.-сл. **-a-mas* ← п.-и.-е. **-o-b^hos*) место ударения может варьироваться. В теории ожидалось бы, что ударным будет последний слог, но на практике встречаются девиантные формы с ударением на тематическом гласном.

В случае косвенных падежей множественного числа в подвижных парадигмах сопоставительные данные предоставляют в наше распоряжение две модели для текста Даукши. Первую можно обозначить как «славянскую», в её рамках мы находим окситонное ударение везде, кроме *ā*-основ, что, несомненно, объясняется законом Хирта²:

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Gen. pl.	* <i>voz'ǔ</i>	* <i>golv'ǔ</i>	* <i>kostej'ǔ</i>	* <i>synov'ǔ</i>
Dat. pl.	* <i>vozom'ǔ</i>	* <i>golvám'ǔ</i>	* <i>kostym'ǔ</i>	* <i>synym'ǔ</i>
Ins. pl.	* <i>vozj'ǔ</i>	* <i>golvámj'ǔ</i>	* <i>kostymj'ǔ</i>	* <i>synymj'ǔ</i>
Loc. pl.	* <i>vozěx'ǔ</i>	* <i>golvám'ǔx</i>	* <i>kostyx'ǔ</i>	* <i>synyx'ǔ</i>

Вторую модель можно было бы назвать «современной литовской», здесь во всех формах, кроме дательного падежа множественного числа, всех типов склонения представлено окситонное ударение:

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Gen. pl.	<i>langĩ</i>	<i>galvĩ</i>	<i>žvėriĩ</i>	<i>sūnĩ</i>
Dat. pl.	<i>langáms</i> < <i>-ámus</i>	<i>galvóms</i> < <i>-ómus</i>	<i>žvėrĩms</i> < <i>-ĩmus</i>	<i>sūnũms</i> < <i>-ũmus</i>
Ins. pl.	<i>langaĩs</i>	<i>galvomĩs</i>	<i>žvėrimĩs</i>	<i>sūnumĩs</i>
Loc. pl.	<i>languosė</i>	<i>galvosė</i>	<i>žvėrysė</i>	<i>sūnuosė</i>

У некоторых из этих окончаний есть акцентологические варианты (например, вост.-лит. *loc. pl.* *langúose*). Мы вернёмся к ним позже, ниже

¹ Мы используем следующие обозначения балто-славянских и балтийских просодических характеристик: $\bar{E}$ = акут, $\acute{E}$ = не акут, $\dot{E}$ = иктус в формах с лексическим ударением, $\check{E}$ = инициальный слог энклиноменов. Для праславянских форм мы следуем традиционной нотации.

² Представленная здесь картина слегка идеализирована. См. данные, указывающие на *loc. pl.* **-ax'ǔ* наряду с **-áx'ǔ* в (Karović 2017: 326–329). С нашей точки зрения, вариант **-ax'ǔ*, какой бы древности он ни был, почти наверняка возник по аналогии.

(§ 8) они будут проанализированы вместе с историческим объяснением «современной литовской модели».

На априорных основаниях ожидалось бы, что старолитовская акцентуация будет согласовываться с современной. Однако не следует считать это само собой разумеющимся. К сожалению, данные остальных балтийских языков в этом вопросе помогают мало. Латышское противопоставление форм *ā*-склонения dat. pl. *-ām* vs. loc. pl. *-ās*, похоже, согласуется со ст.-лит. dat. pl. *galvōmus* vs. loc. pl. *galvosè*. Однако история латышских тонов в безударных слогах остаётся не вполне ясной. Соответственно, пока что они не позволяют произвести надёжную реконструкцию. Древнепрусские формы dat. pl. *ā*-склонения *gennāmans*, *mergūmans* соответствуют ст.-лит. *galvōmus*. Поскольку обе формы соответствуют п.-сл. **golvātm̃*, это мало что говорит нам о прабалтийской акцентуации. Форма dat. pl. *o*-склонения *waikammans*, по-видимому, соответствует ст.-лит. *vaikāmus* ‘детям’, но и в этом нельзя быть до конца уверенным.

Коротко говоря, у нас есть основания проецировать «современную литовскую модель» на старолитовский уровень, но для того, чтобы утверждать это с уверенностью, требуется тщательное исследование. Как мы увидим далее, в целом это так, но акцентуация косвенных падежей множественного числа в тексте Даукши преподнесёт нам несколько интересных сюрпризов.

Далее мы коротко проанализируем акцентуацию двусложных падежных окончаний, то есть всех падежей множественного числа, кроме родительного, а также творительного и местного падежей единственного числа *i*- и *u*-основ. Нами были использованы три источника данных: Скарджюс (Skardžius 1935), Кудзиновский (Kudzinowski 1977) и конкорданс портала *Senieji raštai*. Если источники расходятся между собой, это оговаривается. Мы предпочли собирать данные самостоятельно в связи с тем, что быстро стало понятно, что в сложных случаях наш выбор чтения имел тенденцию следовать за нашими теоретическими ожиданиями. По-видимому, в такой ситуации лучше объективно представить данные этих трёх источников. Мы старались максимально точно подсчитать примеры в источниках (как мы увидим далее, числа окажутся важны). Однако ошибки неизбежны, так что мы не утверждаем, что приводимые нами числа абсолютно точны. Тем не менее, они должны быть недалеко от правды, и мы считаем их надёжными.

3. Дательный падеж множественного числа

Окончание дательного падежа множественного числа имеет последовательное ударение на тематическом гласном (*daiktàmus* ‘вещам’, *maldómus* ‘молитвам’, *giminémus* ‘родственникам’, *vagìmus* ‘ворам’, *dangìmus* ‘небесам’ в современной записи). Случаев окончного ударения исчезающе мало (из чего следует, что они являются очевидными ошибками). Историческое объяснение ударности тематического гласного в данном случае (что отличается от ударности окончания в праславянском) будет дано ниже (§ 9).

4. Творительный падеж единственного числа

Творительный падеж единственного числа даёт нам схожую картину. Скарджюс (Skardžius 1935) и Кудзиновский (Kudzinowski 1977) приводят лишь малое количество ударных форм. Очевидно, что в большинстве случаев им просто не удалось идентифицировать ударное *-mì*. Это основное различие между этими источниками и конкордансом портала *Senieji raštai*. Приведём данные последнего:

	i-основы		u-основы		согл. основы	
	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
Существительные	5	44	2	31	–	15
Прилагательные			2	8		

Очевидно, что в этом падеже формы ударялись как в современном литовском (например, *širdimì* ‘сердцем’ ×15, *akimì* ‘глазом’ ×21, *sūnumì* ‘сыном’ ×30), случаи ударности основы являются просто ошибками (важно помнить, что ошибочные формы нередки у Даукши, см. § 1). Это подтверждает и тот факт, что апокопированное *-m* встречается у Даукши чрезвычайно редко, если вообще встречается.

5. Местный падеж единственного числа

У существительных *o*-клонения местный падеж единственного числа односложен (*lang-è* ‘окне’) и, следовательно, иррелевантен. В других склонениях его формы двусложны (*galvojè* ‘голове’, *širdyjè* ‘сердце’ и т. д.). Приведём данные по Кудзиновскому (Kudzinowski 1977):

ā-основы		ē-основы		i-, īo-основы		u-основы		согл. основы	
тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
44	54	11	21	10	49	4	38	–	13

Очевидно, что в ā-склонении (и в меньшей степени в ē-склонении) ударение на тематическом гласном представлено аномально хорошо (например, *bažniczióje* ‘церкви’ ×2 ~ *bažnicziójé* ×2), в то время как в остальных склонениях мы почти наверняка имеем дело с ошибками (например, *dągiúie* ‘небе’ ×3 ~ *dągiúé* ×31). Это подтверждается данными прилагательных и местоимений, где как в o-склонении, так и в ā-склонении окончания двусложны (*ger-a-mè* ‘хорошем’, *ger-o-jè* ‘хорошей’). Приведём данные из конкорданса *Senieji raštai*:

Прилагательные				Местоимения			
o-основы (īo-основы)		ā-основы (ē-основы)		o-основы		ā-основы	
тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
4	85 (+3)	12 (+2)	24 (+3)	7	224	26	61

Наконец следует добавить, что апокопированное окончание *-am’* в o-склонении встречается исчезающе редко. Напротив, апокопированное *-oi’* (часто выделенное графически) довольно обычно у ā-основ.

Вывод довольно ясен: у прилагательных и местоимений o-склонения окончанием местного падежа единственного числа было *-amè*, как в современном литовском. В остальных склонениях акцентуация, вероятно, также была последовательно наконечной. Исключением является ā-склонение. Кажется, что мы имеем дело с настоящей акцентной вариацией <*-ojè* ~ *-óje* ~ *-ójj*> (в современной записи: *-ojè* ~ *-ōje* ~ *-ōj*) в языке Даукши.

6. Местный падеж множественного числа

Приведём данные из трёх наших источников по отдельности. Скарджюс (Skardžius 1935) и Кудзиновский (Kudzinowski 1977) дают следующие числа:

	o-основы		ā-основы (ē-основы)		i-основы (u-основы)	
	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
Скарджюс	–	11	5 (+1)	6	–	2 (+4)
Кудзиновский	2	30	9 (+3)	21 (+1)	–	10 (+10)

Конкорданс *Senieji raštai* даёт следующие числа для существительных и прилагательных:

o-основы		ā-основы		ē-основы		i-основы		u-основы	
тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
очень редко	часто	11	29	3	3	1	9	–	9

Ситуация здесь менее ясна, чем в случае местного падежа единственного числа. Ударение на тематическом гласном в *ā*- и *ē*-склонениях, кажется, встречается чаще, чем при случайном распределении. Следует добавить, что литовская акцентуация на тематическом гласном, как например *miškūose* ‘в лесах’ (при литературном *miškuosė*) ограничена восточнолитовскими диалектами (где она перенята из иллативного падежа множественного числа). То есть в центральнолитовском тексте Даукши мы бы её не ожидали. Однако следует учитывать, что примеров акцентуации тематического гласного не так много, так что мы не можем быть полностью уверены, что они действительно значимы. Ситуация дополнительно осложняется тем, что формы местного падежа множественного числа *o*-склонения *-uose* записаны как *<-ūse>*, где знак ударения можно поставить только на последнем слоге (см. § 1).

7. Творительный падеж множественного числа

При сопоставлении с современным литовским акцентуация творительного падежа множественного числа наиболее неожиданна (и интересна) среди всех двухсложных окончаний. Приведём сначала данные Скарджюса (Skardžius 1935) и Кудзиновского (Kudzinowski 1977):

	o-основы		ā-основы (ē-основы)		i-основы (u-основы)	
	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
Скарджюс	(иррелевантное)		16 (+ 2)	1 (+ 3)	–	7 (+ 2)
Кудзиновский	односложное окончание)		26 (+ 8)	– (+ 1)	– (+ 2)	– (+ 1)

Если эти данные верны, то картина действительно неожиданна. Однако уместно оговориться, что Скарджюс и Кудзиновский часто

не прочитывали знак ударения над <î>, что действительно является непростой задачей. Конкорданс *Senieji raštai* даёт несколько иную картину:

ā-основы		ē-основы		ī-основы		u-основы		согл. основы	
тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание	тема	окончание
38	39	8	30	2	46	2	42	–	8

Дистрибуция здесь отклоняется не так, как у Скарджюса и Кудзиновского, но ударность тематического гласного в *ā*-склонении всё же встречается чаще, чем ожидалось бы при случайном распределении. Этой картине не противоречат и *ē*-основы. К ним мы относим и слово *žmonės* ‘люди’ (*žmonėmis* ×5 ~ *žmonėmis* ×14), которое с исторической точки зрения не является *ē*-основой. Если же его исключить, у нас остаются 3 vs. 16 примеров, чего, вероятно, недостаточно для формулирования выводов. С другой стороны, числа в *i*- и *u*-склонении ярко контрастируют с ситуацией *ā*-основ, для которых варьирование акцентуации у Даукши следует признать реальным.

8. Резюме ситуации в тексте Даукши и в современном литовском

Результаты анализа, проведённого в предыдущих разделах, могут быть кратко изложены следующим образом: акцентуация двусложных окончаний у Даукши совпадает с тем, что обнаруживается в современном литовском и, добавим, с тем, что ожидается в более широкой, балто-славянской, перспективе. В этом, конечно, не было бы ничего интересного, если бы не два примечательных исключения.

Первым является местный падеж, как единственного, так и множественного чисел. Ударность тематического гласного довольно хорошо засвидетельствована в *ā*- и *ē*-склонениях, что ярко контрастирует с последовательной ударностью окончания loc. sg. *o*-склонения *-atė*. К сожалению, у нас недостаточно данных, чтобы решить, действительно ли релевантна картина в *ā*- и *ē*-склонениях. Ситуация осложняется тем, что то, что мы называем «локативом» в литовском и латышском, не является прямым продолжением балто-славянского локатива, а вторичным падежом послеложного происхождения, инессивом, состоящим из сложения формы унаследованного локатива и послелога *en. Ситуация довольно сложна, и у нас нет возможности детально разобрать её в данной статье (наши взгляды были изложены в Villanueva

Svensson 2020: 32–38). Хотя акцентуация локатива $\bar{a}$ -основ очевидно заслуживает нового исследования, в данной работе мы её далее касаться не будем. Вместо этого мы сосредоточимся на втором потенциально интересном окончании – творительного падежа множественного числа.

С нашей точки зрения, вариативность акцентуации *-ómis ~ -omìs* в *ins. pl.* $\bar{a}$ -склонения является главной находкой данной работы. Контраст между регулярным конечным ударением *-imìs, -umìs* в *i-* и *u-*склонениях довольно ярок. Мы полагаем, что у нас достаточно свидетельств, чтобы исключить вероятность случайности или ошибки.

Прежде чем попытаться объяснить этот феномен с исторической точки зрения, полезно будет представить вышеописанную вариацию в современном разговорном литовском в виде таблицы:

	o-основы (прил.)	$\bar{a}$-основы	i-основы	u-основы
Ins. sg.			<i>širdimì ~ širdiñ</i>	<i>dangumì ~ danguñ</i>
Loc. sg.	<i>geramè ~ gerañ</i>	<i>gerojè ~ geròj</i>	<i>širdyjè ~ širdÿj</i>	<i>dangujè ~ danguĩ</i>
Ins. pl.		<i>galvomìs ~ galvómìs ~ galvoñ</i>	<i>širdimìs ~ širdiñ</i>	<i>dangumìs ~ danguñ</i>
Loc. pl.	<i>languosè ~ langúose ~ languõs</i> (очень редко)	<i>galvosè ~ galvóse ~ galvõs</i> (очень редко)	<i>širdysè ~ širdÿse ~ širdÿs</i> (очень редко)	<i>danguosè ~ dangúose ~ danguõs</i> (очень редко)

Вариативность крайне велика, особенно между долгими и краткими формами, но вариативность самой акцентуации ограничена местным падежом множественного числа, где она является диалектно обусловленной (как уже было отмечено, форма *langúose* характерна для восточно-литовских говоров), а также творительным падежом множественного числа $\bar{a}$ -основ (исключительно творительным множественного $\bar{a}$ -основ!). Это полностью согласуется с тем, что мы видим у Даукши. Акцентуация *ins. pl. galvómìs* в литературном языке не представлена, но была отмечена как минимум с начала XX века (ср. Skardžius 1935: 26).

9. Акцентуация литовского *ins. pl.*: историческое объяснение

Факты, обсуждаемые в настоящей статье (кроме данных Даукши), конечно, уже были отмечены в научной литературе. Однако нельзя сказать, что у них есть общепринятое объяснение.

Сравнительно распространённое среди литовских учёных мнение заключается в том, что двусложные окончания имели тенденцию сокращаться «по структурным причинам» (ср. Kazlauskas 1968: 167 и далее). Сокращение сперва произошло в дательном падеже, затем в творительном. Сперва это привело к оттяжке ударения, затем к утрате гласного. Однако не вполне ясна мотивация «по структурным причинам». С нашей точки зрения, этот подход не очень хорошо объясняет имеющееся распределение.

Обсуждение этих окончаний в рамках современной балто-славянской акцентологии (например, Olander 2009: 190 и далее, с литературой) обычно схематично и (имплицитно) выглядит так, будто факты современного литературного литовского – это всё, чем мы располагаем. Окситонное ударение *ins. pl. ā*-склонения *galvomis* обычно объясняется аналогией с наконечным ударением остальных типов основ (ср. п.-сл. **golvāmi* vs. **kostmi*, **syñmi*), например, Дыбо (1981: 243–245), Джасанофф (Jasanoff 2017: 153 и далее). Это достаточно логично и, более того, полностью соответствует полученным нами данным. В таком случае следует заключить, что ст.-лит. *galvomis* – архаизм (= п.-сл. **golvāmi*), и что замена аналогическим *galvomis* произошла совсем недавно.

Хотя, на первый взгляд, такой подход не вызывает возражений, мы не вполне можем с ним согласиться. Он предполагает, что изолированная форма вроде *galvomis* оставалась неизменной в течение значительного периода времени, чтобы попасть под действие предсказуемой аналогии ко времени начала письменной истории литовского в XVI веке. Нам такой ход развития событий кажется весьма подозрительным. Вдобавок он не учитывает акцентуации дательного падежа множественного числа, которая, коротко была упомянута выше (§ 2–3), но не была объяснена.

Часто допускается, что п.-балт. *dat. pl. *galvāmas* (= **golvāmb*) не только сохранился, но и смог распространить свою акцентуацию на другие типы склонения (ст.-лит. *langāmus*, *žvėrimus*, *sūnūmus* ≠ п.-сл. **vozomb*, **kostmb*, **syñmb*; ср. Дыбо 1981: 243–245, Jasanoff 2017: 153 и далее). В творительном и местном падежах множественного числа тенденция должна была быть обратной (*ins. pl. *galvāmīs* → **galvāmīs*,

loc. pl. *galvāsu → *galvāsu). Неясно, почему в разных падежах действовали разные тенденции. Если данные, приведённые в настоящей статье, верны, аналогия *galvāmīs → *galvāmīs (и, вероятно, *galvāsu → *galvāsu) была бы удивительно поздней.

Ничего невозможного в подходе Дыбо и Джасаноффа нет, но существование двух противоположных тенденций в балтийских языках не было объяснено. Далее мы представим иной подход, исходя из идеи, что ст.-лит. *galvomis* не обязательно является архаизмом. Мы представим сценарий, отталкивающийся от прабалто-славянской парадигмы, идентичной той, что реконструируется для праславянского, но для литовского дающий объяснение на собственно литовской почве.

Первую стадию назовём «Прабалтийский I» (= балто-славянская акцентуация, хорошо сохранившаяся в праславянском):

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Dat. pl.	* <i>langamās</i>	* <i>galuāmās</i>	* <i>zūērimās</i>	* <i>sūnumās</i>
Ins. pl.	* <i>langōīs</i>	* <i>galuāmīs</i>	* <i>zūērimīs</i>	* <i>sūnumīs</i>
Loc. pl.	* <i>langoisù</i>	* <i>galuāsu</i>	* <i>zūērisù</i>	* <i>sūnusù</i>

Вторая стадия, «Прабалтийский II», включает в себя одно важное изменение: закон Ниеминена. Как нами было показано ранее (Villanueva Svensson 2021), закон Ниеминена заключался в редукации гласного *-as > *-əs, сопровождавшейся оттяжкой ударения. Это произошло в прабалтийском и затронуло также дательный падеж множественного числа (п.-б.-сл. *langamās > п.-балт. *langaməs > ст.-лит. *langamus*). В результате действия этого закона (а не какой-либо аналогии) ударение в дательном падеже множественного числа всегда приходилось на тематический гласный:

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Dat. pl.	* <i>langāməs</i>	* <i>galuāməs</i>	* <i>zūēriməs</i>	* <i>sūnuməs</i>
Ins. pl.	* <i>langōīs</i>	* <i>galuāmīs</i>	* <i>zūērimīs</i>	* <i>sūnumīs</i>
Loc. pl.	* <i>langoisù</i>	* <i>galuāsu</i>	* <i>zūērisù</i>	* <i>sūnusù</i>

Затем, как предполагаем, произошло следующее выравнивание по аналогии: ударение во всех *m*-падежах множественного числа закрепилось на тематическом гласном, и лишь в местном падеже множественного числа (который не был *m*-падежом) имела место обратная аналогия:

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Dat. pl.	* <i>langāmās</i>	* <i>galuāmās</i>	* <i>žūėrimās</i>	* <i>sūnumās</i>
Ins. pl.	* <i>langōīs</i>	* <i>galuāmīs</i>	* <i>žūėrimīs</i>	* <i>sūnumīs</i>
Loc. pl.	* <i>langoisū</i>	* <i>galuāsū</i>	* <i>žūėrisū</i>	* <i>sūnusū</i>

Как мы полагаем, такая ситуация сохранилась вплоть до предыстории литовского языка. В предысторический же период положение дел изменил закон де Соссюра, в результате действия которого ударение сместилось с неаккутированного слога на последующий акутированный:

	o-основа	ā-основа	i-основа	u-основа
Dat. pl.	* <i>langāmus</i>	* <i>galuāmūs</i>	* <i>žvėrimūs</i>	* <i>sūnumūs</i>
Ins. pl.	* <i>langōīs</i>	* <i>galuāmīs</i>	* <i>žvėrimīs</i>	* <i>sūnumīs</i>
Loc. pl.	* <i>langōsū</i>	* <i>galuāsū</i>	* <i>žvėrīsū</i>	* <i>sūnūsū</i>

Мы полагаем, что этот сценарий обоснованно объясняет сохранение п.-б.-сл. *galuāmīs в ст.-лит. *galvomis*, а также сильную тенденцию вытеснения этой формы более новой *galvomis*, возникшую после действия закона де Соссюра. Иначе говоря, ст.-лит. *galvomis* является архаизмом, но архаизмом, совершенно изолированным в рамках системы (и поэтому тяготеющим к тому, чтобы его вытеснили аналогические формы). Последний шаг предложенного сценария предвосхищён, как минимум частично, Эндзелином (Endzelīns 1938: 353).

10. Выводы

Акцентуация показателей косвенных падежей множественного числа, состоящих из тематического гласного и окончания, в старолитовском идиоме Даукши ожидаемо принципиально мало отличается от современной литовской. Однако есть два исключения в *ā*-склонении, когда ударение неожиданно стоит на тематическом гласном, а не на окончании. Одно из них, ins. pl. *galvomis* (наряду с *galvomis*), кажется важным в исторической перспективе (второе исключение, локатив, менее ясно). Для объяснения этого и других фактов (в первую очередь прабалтийского ударения на тематическом гласном в дательном падеже множественного числа) мы выдвигаем новую гипотезу развития прабалтийской акцентуации в косвенных падежах множественного числа. Ключевым элементом является то, что в результате комбинации

звукового закона (закон Ниеминена) и несложной аналогии в прабалтийском ударение в *m*-падежах закрепилось на тематическом гласном. В литовском в предысторический период ситуацию изменил закон де Соссюра (*sūnūmīs > *sūnumīs vs. неизменившееся *galvāmīs). Таким образом ожидаемая аналогическая замена *galvómis* → *galvomīs* является довольно недавней. Более старая форма *galvómis* обнаруживается не только в старолитовском, но и в современном разговорном языке.

Перевод с английского М. Н. Саенко

ЛИТЕРАТУРА

- Вольтер 1904 – «Postilla Catholica» 1599–1899 / Якуба Вуйка; в литовском переводе Николая Даукши, перепечатанном под наблюдением Ф. Ф. Фортунатова Э. А. Вольтером. Вып. I. СПб., 1904.
- Дыбо 1981 – В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Biržiška 1926 – М. Biržiška. Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- Endzelīns 1938 – J. Endzelin. Bemerkungen zu J. Kuryłowiczs Ansichten über die baltisch-slavischen Intonationen // Zeitschrift für slavische Philologie. Vol. XV. 1938. P. 348–354.
- Jasanoff 2017 – J. H. Jasanoff. The Prehistory of the Balto-Slavic Accent. Leiden; Boston, 2017.
- Kapović 2017 – М. Kapović. Notes on the historical accentuation of the Čakavian dialect of Blato on Korčula: acute posttonic length, Slavic *ā*-stem locative plural and other issues // Definitely perfect: Festschrift for Janneke Kalsbeek. Amsterdam, 2017. P. 323–333.
- Kazlauskas 1968 – J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968.
- Kudzinowski 1977 – Cz. Kudzinowski. Indeks-słownik do Daukšos Postilė. 2 tomy. Poznań, 1977.
- Olander 2009 – T. Olander. Balto-Slavic accentual mobility. Berlin; New York, 2009.
- Palionis 2000 – J. Palionis. Mikalojaus Daukšos 1599 metų Postilė ir jos šaltiniai. Vilnius, 2000.
- Senieji raštai – М. Daukša. Postilė. (Электронный ресурс. URL: seniejirastai.lki.lt/db.php?source=2. Дата обращения: 25.08.2022.)
- Skardžius 1935 – P. Skardžius. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.
- Villanueva Svensson 2020 – М. Villanueva Svensson. Balto-Slavic Accentology, Auslautgesetze, and the Baltic Secondary Local Cases // Baltistica. Vol. LV. 2020. P. 5–42.
- Villanueva Svensson 2021 – М. Villanueva Svensson. Nieminen's law revisited // Baltistica. Vol. LVI. 2021. P. 5–18.

Электронные источники

EPaveldas: <https://www.epaveldas.lt/preview?id=C1C1R0000046212> (факсимиле).

Miguel Villanueva Svensson
Vilnius University, Lithuania

The accentuation of the *ā*-stem instrumental plural in old Lithuanian

the accentuation of the oblique plural cases consisting of stem vowel + ending in Daukša is essentially the same as in modern Lithuanian, as expected. There are two exceptions, both concerning the *ā*-stems and both involving unexpected stress on the stem vowel instead of the ending. One of them, the instrumental plural *galvómis* (beside *galvomis*) looks potentially important from a historical perspective (the other exception, the locative, is less clear). In order to explain this and other facts (most saliently the stem vowel accentuation of the dative plural in Baltic) this article presents a new theory of the development of the accentuation of the oblique plural cases in Baltic. As a result of a combination of sound law (Nieminen's law) and analogy in Proto-Baltic the *m*-cases came to be accented on the stem vowel. In the prehistory of Lithuanian this was altered by Saussure's law (**sūnumīs* > **sūnumīs* vs. unaltered **galuāmīs*). The expected analogical replacement *galvómis* → *galvomis* is thus very recent. The older form *galvómis* is also found in modern substandard Lithuanian.